

ЛЕНИНГРАДСКИЙ РАБОЧИЙ
г. ЛЕНИНГРАД
28 ДЕК 1974

Я ГОРЖУСЬ ТАКИМ УДЕЛОМ

ПРЕДНОВОГОДНИЕ
ВСТРЕЧИ

ДЕСЯТЬ лет назад она пела много иначе. Да и песни были иными. Нет, это были хорошие песни. И все-таки... Песни стареют, как кинофильмы. Они создаются для сейчас, а не для потом. Они не могут рассчитывать на отсрочку. Спят. Такова их суть. А дальше сходят с эстрады, и разве что концерт по заявкам радиослушателей вернет нам некогда заворожившую нас мелодию, и мы снисходительно улыбнемся: какая, однако, у нее старомодная одежка!..

Но и мало что так властно над нашим прошлым, как звучавшие в нем песни. И если возвращаются они, то надолго — как те, фронтовые, незабываемые... Возвращаются и возвращают кого-то в юность, кого-то в детство... И бывает — дыхания не перевести.

Десять лет. Для песни не так уж много. И все-таки они были другими, другими — разговоры на улице, другою — мода, даже наши повседневные заботы выглядели немного иначе. «Держись, геолог, крепись, геолог», — пели тогда, а еще пели: «Качает, качает, качает задир ветер фонари над головой» — немудреную песенку о физике, который не спешил становиться лириком. Что было вполне модно после нашумевшего «что-то физики в почете, что-то лирики в загоне».

Пела эту песню Мария Пахоменко, только-только появившаяся на большой эстраде солистка существовавшего тогда Ленинградского молодежного эстрадного ансамбля. Это был двойной дебют: артистка открыла песню, а песня — новое имя. Вскоре «Задир ветер» зазвучал на все голоса, однако среди прочих по-прежнему выделялся новый голос, вполне веселый, но больше задумчивый, с какой-то необъяснимой, берущей за душу интонацией... Это особенно стало заметно в другой песне, за которую, кажется, никто после молодой певицы так и не взялся.

Голос был гибким и сильным, за его протяжной плавностью ощущалось большое дыхание, и было что-то ностальгическое в тех словах: «И, как человек, тоскует корабль, и гудки зовут — пора, пора...». Казалось, вся песня пропущена эхом, отраженным от берегов, от воды... Это был зов молодости, обращенный к жизни и выведенный высоко и чисто.

Теперь Мария Пахоменко поет суше, резче и — точнее. Чтобы быть понятным, надо быть точным. А разговорные интонации драматизируют мелодию. Можно вообще, притушив голос, перейти на рассказ. Не так ли делает Клавдия Шульженко? И песня перестает быть нотами и словами — становится событием, жизнью. Это тот исполнительский уровень, когда преодолена демонстрация мастерства. Это так обманчиво просто, что, кажется, каждый мог бы спеть. Высокая простота.

Она все яснее проступает в том, как поет теперь Мария Пахоменко. Красивый голос перестал быть непременно, самодовлеюще красивым. В каждой песне он другой. Каждый раз он — характер песни, ее сердцевина. Он по-притворительно нежен, то сокровенно доверителен, он может быть и подчеркнута прямодушным и броско публицистичным.

Почти во всем, что исполняет сейчас певица, четко прослеживается еще одна черта. Это тяготение к произведениям, написанным в характере русских народных песен, к пародий песенной традиции. Традиция сделала ее песни неповторимым. И звучат эти песни задумчиво и раздольно, воскрешая прекрасные образы русских женщин, прекрасные имена...

МЫ ДОГОВАРИВАЛИСЬ о встрече по телефону.

— Это обязательно, чтобы я о себе рассказывала? — с некоторой обреченностью в голосе спросила Мария Леонидовна. — Мне бы этого так не хотелось. Ну что, я опять расскажу, где родилась, где училась, когда начала петь, что люблю, чего не люблю. Знаете, это вовсе не интересно. Лучше приходите на мой концерт. Послушайте. А потом поговорим.

— Я приехал к Ленинградскому концертному залу через полчаса после начала концерта. У входа еще спрашивали билеты. Мария Пахоменко выступала во втором отделении.

Она вышла навстречу взорвавшемуся аплодисментами залу в светлом длинном платье, волосы, как всегда, убраны назад, собранная, серьезная и стремительная — инструментальный ансамбль уже исполнил знакомую мелодию, — и вот в зал полились гордые слова: «Я тебе, Россия, делом докажу любовь свою». А потом зазвучали другие, тоже знакомые песни: «Неаглядный мой» Пахмутовой и Казаковой, «Не обижайте любимых упреками» Тухманова и Шаферана, «Вальс при свечах» Фельцмана и Вознесенского, «Признание» Колкера и

Рыжова (помните: «Ты разлюбил меня бы, что ли...»). И по воле рождалось такое чувство, что все эти столь разные песни написаны специально для нее, для ее голоса. Будто они и не существовали прежде, отдельно от певицы, а родились тут же, сейчас, на сцене. Она создавала их вновь.

И ни одной не было просто так — чтобы развлечь, вызвать улыбку. Ни хлопков в ладоши, чтобы вызвать ответные хлопки, ни пританцовываний, чтобы и слушатели отстукивали в такт, — ничего такого. Ей было важно не ритмическое единство с залом — важно было, чтобы почувствовали.

Концерт кончился, и я пошел за кулисы. Но поговорить нам удалось не сразу. Еще минут двадцать ушло на любителей автографов. Кто подавал программку концерта, кто красивый конверт с новой пластинкой певицы, а высокий и вполне бравадный солдат, с отчаянием обшарив все карманы, выложил перед ней свою увольнительную.

— А не попадет? — спросила Пахоменко.

— Пишите! — тряхнул он головой.

Наконец все разошлись. — Сколько себя помню, всегда пела, — рассказывала Мария Леонидовна. — А в школе вечно организовывала вокальные кружки. Вечно что-то придумывала, предпринимала. Потом пела в самодеятельности, в вокальном квартете. Ну, а потом...

— Потом вы спели «Качает, качает, качает задир ветер фонари над головой»...

— Да, верно, — засмеялась она. — Эту песенку Александр Колкер написал к спектаклю «Иду на грозу», который ставили в театре Комиссаржевской. Это было в 1963 году.

— Ваш репертуар — как он складывается? Трудно ли находить новые песни?

— Трудность в том, чтобы найти что-то близкое, чтобы выразить себя. Чем глубже, чем серьезней песня — тем интересней над ней работать. Знаете, песня, как роль в театре: если артисту нечего играть, то пусть он хоть трижды талантлив, вряд ли что-либо получится.

И потом на репертуаре, безусловно, сказывается личность исполнителя. Возьмите таких разных певцов, как Кобзон, Магомаев или Хиль. У каждого своя манера и притом свой специфический образ. Они и в жизни очень похожи на героев своих песен. Так почти всегда.

— Значит ли это, что и вы...

— От этого никуда не уйдешь. Когда-то все мои друзья чуть ли не хором меня ругали: почему почти не двигаюсь на эстраде, не танцую, почему не распушу волосы до плеч, чтобы, значит, сделать из себя этакое диво... Я отмахивалась изо всех сил, чувствовала — не мое. Я много наблюдала за тем, как держатся другие певцы, и училась. Училась тому, чего не надо делать. Со стороны очень заметно, чего не надо...

— Бывает ли вам, страшно перед выходом на эстраду?

— Бывает, но редко. Скорее, это неуверенность, особенно когда не знаешь сцены и зала. Такие томительные минуты, когда надо бороться за внимание

зала. А раньше бывало страшновато выходить после выступления кого-нибудь из знаменитостей. Очень волновалась. И в то же время это подхлестывало.

— На телевидении сделано несколько передач о вас. Как вы к ним относитесь?

— Сложно. Мне не очень то везет с режиссурой. Порой делаешь то, что самой не свойственно. Смотрю — и стыдно.

— Хотелось ли вам когда-либо проявить себя еще в чем-то, помимо песен?

— Да, было такое. Однажды, несколько лет назад, я смотрела один телевизионный спектакль. И там была главная героиня с такой, понимаете ли, сложной драматической судьбой. И вдруг меня страшно потянуло играть. Нет, не в каком-то там музыкальном спектакле — мне захотелось сыграть драматическую роль, образ простой русской женщины. Тогда мне казалось, что я бы сумела...

— Вы выступали на самых различных сценах. И все-таки какой сцене отдаете предпочтение?

— Этой. Ленинградскому концертному залу. Здесь отличная акустика. И публика, с которой сразу устанавливается контакт.

Вот и все. Оставалось договориться, когда приехать фотокорреспонденту, чтобы сделать снимки.

— Прошу вас, только на концерте! — попросила она. — Остальное все неинтересно.

И. КУБЕРСКИЙ
Фото В. Краснова

